

УДК 34

Е.В. Михайлова*

О ЕДИНОЙ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ГРАЖДАНСКОГО, УГОЛОВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВ

В статье исследуются проблемы, связанные с понятием, целью, задачами и основными принципами гражданского, уголовного, административного судопроизводства. Показано единство и взаимосвязь гражданской процессуальной, уголовной процессуальной и административной процессуальной форм, а также обусловленность процессуальной формы защиты права особенностями материального правоотношения, из которого возник правовой конфликт.

Ключевые слова: правосудие, суд, защита права, процессуальная форма, гражданский процесс, уголовный процесс, административное судопроизводство, принципы гражданского и уголовного процесса.

В процессуальной науке давно сформирован подход, в соответствии с которым правосудие рассматривается как особая разновидность государственной деятельности. Так, М.С. Строгович писал: «...правосудие — это государственная деятельность, выполняемая... судом, направленная на осуществление функций...государства, на разрешение стоящих перед ним задач... Правосудие имеет свои цели, которые закон ставит перед судом» [6, с. 10, 11].

Т.В. Сахнова правильно указывает, что «судебная защита неотделима от правосудия, ибо осуществляется в форме правосудия... Судебная защита осуществляется органом государственной власти — судом; это деятельность по применению в особой процессуальной форме норм материального и процессуального права к спорному материальному правоотношению... Подчеркнем процессуальный характер этой деятельности: она происходит перед лицом суда и в суде и тем самым подчинена требованиям публичного порядка, алгоритму гражданской процессуальной формы» [5, с. 17].

Но любая деятельность имеет цель. Без осознания этой цели, ее четкого определения она не будет успешной. Целью правосудия, на мой взгляд, является «защита права». Осуществляя правосудие, суд, арбитражный суд осуществляет тем самым защиту нарушенных или оспариваемых прав. Поэтому правильно отождествить понятие правосудия с понятием судопроизводства.

В ст. 46 Конституции РФ закреплено: каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Следовательно, правосудие есть защита права, осуществляемая государством в лице его специального органа — суда, который обладает властью осуществлять эту деятельность — судебной властью. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Поэтому прав Г.А. Жилин, отметивший: «...в признаках правосудия содержатся и положения, с которыми нельзя согласиться по принципиальным соображениям. В частности, с тем, что правосудие может осуществляться только судом

*© Михайлова Е.В., 2014

Михайлова Екатерина Владимировна (e.v.mihailova@yandex.ru), кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский государственный университет, 443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

при рассмотрении гражданских, уголовных и арбитражных дел, а способом осуществления правосудия является судебное заседание, в котором участвуют заинтересованные в исходе дела лица и их представители. Действительно, правосудие осуществляется только судом, что применительно к российской правовой системе не может быть предметом спора. Однако в судебную систему... входят не только суды общей и арбитражной юрисдикции, но и Конституционный Суд РФ, а также конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации. Осуществляя судебную власть посредством конституционного судопроизводства, они рассматривают ряд категорий дел по спорам в публично-правовой сфере, преобладающими среди которых являются дела о проверке конституционности нормативных актов» [2, с. 15]. Думаю, что это вполне справедливое замечание, но хотелось бы отдельно отметить тот факт, что еще менее очевидным для многих является факт наличия административного судопроизводства. В настоящее время предпринимаются серьезные меры по приданию самостоятельного характера административной процессуальной форме и ликвидации той правовой неопределенности, которая порождается фактом «исторического слияния» гражданского и административного судопроизводства в нашем государстве.

Таким образом, гражданское, уголовное, административное и конституционное судопроизводства – это процессуальные формы осуществления правосудия как деятельности, направленной на защиту соответствующего права. В свое время М.С. Строгович очень четко определил это: «Разбирательство и разрешение уголовных и гражданских дел производится судом в определенных, установленных законом правовых формах, в определенном правовом, процессуальном порядке. Закон устанавливает детально регламентированные формы, в которых протекает деятельность суда. Разбирательство и разрешение уголовных дел производится судом в судебном заседании в форме проведения по этим делам уголовного процесса. Разбирательство и разрешение гражданских дел производится судом в судебном заседании в форме проведения по этим делам гражданского процесса». И далее, еще более категорично: «Уголовный процесс есть форма осуществления правосудия по уголовным делам. Таким же образом гражданский процесс – форма осуществления правосудия по гражданским делам. (...) Единство суда по уголовным и по гражданским делам обуславливает единство уголовного и гражданского процессов: единство правосудия и единство суда обуславливают единство процессуального права» [6].

Примечательно, что в новом ФКЗ «О Верховном суде Российской Федерации» от 29 января 2014 года использована правильная терминология, в частности, в ст. 2 указанного акта сказано, что Верховный суд Российской Федерации осуществляет в предусмотренных федеральным законом *процессуальных формах* (курсив мой. – Е.М.) судебный надзор за деятельностью судов, образованных в соответствии с ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», и федеральными законами, *рассматривая гражданские дела, дела по разрешению экономических споров, уголовные, административные и иные дела* (курсив мой. – Е.М.), подсудные указанным судам, в качестве суда надзорной инстанции, а также в пределах своей компетенции в качестве суда апелляционной и кассационной инстанций.

Все сказанное вполне подтверждается положениями процессуального законодательства. Так, в ст. 2 ГПК РФ закреплено: задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. АПК РФ содержит аналогичную норму, а в ст. 6 УПК РФ провозглашено, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпев-

ших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Таким образом, цель правосудия есть защита нарушенного права (гражданского, уголовного, административного), а ее задача — это правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских, уголовных и административных дел. Очевидно, что решение процессуальной задачи приведет суд к реализации всей цели его деятельности. Важно то, что указанная цель и задача едины как при рассмотрении гражданских, так и уголовных и административных дел. Что же касается конституционного и административного судопроизводства, то и они имеют аналогичную цель и задачи, так как защита права осуществляется не только в виде устранения его нарушения, но и другими способами, например, путем признания нормативного акта недействительным [3].

Таким образом, правильное решение задач правосудия, или судопроизводства, приведет к достижению его цели. В этом проявляется процессуальная обусловленность категории «защита права».

Следовательно, для того, чтобы защита нарушенного или оспариваемого права была реализована, необходимо правильно и своевременно рассмотреть и разрешить гражданское, уголовное или административное дело. Это значит, что процессуальное законодательство должно базироваться на таких основных началах, которые, во-первых, будут иметь межотраслевой характер и, во-вторых, способствовать правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дел.

Применительно к гражданскому процессу прежде всего говорят о принципе диспозитивности. Ее исток кроется в диспозитивном начале гражданского права. Поскольку гражданское судопроизводство представляет собой государственную деятельность по разрешению споров о праве гражданском, природа последнего не может не накладывать определенный отпечаток на правила этой деятельности — таким образом, говорят о процессуальной диспозитивности, которая, по словам А.Т. Боннера, хотя и не прописана в тексте отдельной статьи, однако закон буквально «пронизан» духом диспозитивности [1, с. 34]. Поскольку реализация субъективных гражданских прав полностью зависит от воли самого правонарушителя субъекта, то в случае нарушения данных прав или их оспаривания лишь сам правообладатель вправе решать вопрос о том, нарушено ли его право, каким лицом и как следует защитить свое нарушенное или оспариваемое право.

Таким образом, диспозитивное начало в реализации субъективных гражданских прав распространяется не только на сферу их реализации, но и на сферу их защиты. Диспозитивность в гражданском процессе должна быть рассмотрена в двух взаимосвязанных аспектах — допроцессуальном, представляющем собой проявление диспозитивной природы материального права и заключающемся в прямой зависимости возникновения, развития и завершения производства по гражданскому делу от воли заинтересованных лиц; и процессуальном, заключающемся в свободе участников спора в рамках возбужденного гражданского процесса пользоваться принадлежащими им процессуальными правами и дозволениями сообразно их желаниям.

Но вместе с тем я бы не стала говорить о принципе диспозитивности как о некоем «абсолюте» в сфере гражданского судопроизводства. Иными словами, я не думаю, что правильно возводить его в ранг правового принципа (да еще не «текстового», а «смыслового», то есть нормативно не закрепленного). На мой взгляд, свобода субъектов гражданско-правовых отношений в ряде случаев сильно преувеличена. Дело в том, что если право гражданское понимать как «право частное», то есть как право, регулирующее взаимоотношения субъектов, имеющих равные правовые статусы, то тогда, пожалуй, абсолютная диспозитивность оправдана. Казалось бы, так и есть: Российская Федерация, субъекты Российской Федерации: республики, края, области,

города федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами (ч. 1 ст. 124 ГК РФ). Но это только на первый взгляд. В содержании ГК РФ можно отыскать немало норм, регулирующих не частные, а публично-правовые отношения субъектов гражданского права. К ним относятся, например, нормы о принудительном изъятии у частных лиц земельных участков для государственных и муниципальных нужд, о государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, о порядке заключения и исполнения государственных контрактов и др. Отношения такого рода нельзя назвать частными, это – ярко выраженные публично-правовые отношения, основанные на неравном соотношении правовых статусов участвующих в них субъектов и, несомненно, их особенности прямо влияют на правоотношения процессуального типа, складывающиеся по поводу защиты соответствующих нарушенных или оспариваемых гражданских прав.

Не случайно в ст. 225 ГПК РФ указано, что по правилам производства по делам, возникающим из публично-правовых отношений, рассматриваются не только прямо перечисленные в ней дела, но и «иные публично-правовые дела». Не случайно и то, что обязанности по доказыванию распределяются в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений, иначе, чем в исковом производстве. Как известно, обязанности по доказыванию обстоятельств, послуживших основанием для принятия нормативного правового акта, его законности, а также законности оспариваемых решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, возлагаются на орган, принявший нормативный правовой акт, органы и лиц, которые приняли оспариваемые решения или совершили оспариваемые действия (бездействие) (ч. 1 ст. 249 ГПК РФ). И это правило не является неким исключением из действия принципа состязательности, напротив – его «адаптацией» к иным, чем в исковом производстве, спорным материальным правоотношениям. Так что говорить о гражданском судопроизводстве как «цитадели» правовой свободы, по моему мнению, нельзя.

Сказанное касается *гражданских* прав. Природа уголовного судопроизводства, безусловно, определяет уголовную процессуальную форму точно так же, как природа права гражданского определяет правила гражданского судопроизводства [7; 8].

Связь, существующая между уголовным правом и уголовным процессом, столь же пряма и очевидна, как и связь права гражданского и гражданского судопроизводства. Уголовно-процессуальные правоотношения связывают суд и участников уголовного процесса. Особенности соотношения правового статуса участвующих в исходном материальном правоотношении уголовного типа должны порождать и порождают соответствующие правила уголовного судопроизводства. Как точно отмечал М.С. Строгович, «связь и взаимная обусловленность уголовного процесса и уголовного права настолько тесна и неразрывна, как уголовный процесс немислим без уголовного права, равно как уголовное право немислимо без уголовного процесса» [6, с. 10, 11].

Предмет регулирования уголовного права – это, как известно, те отношения, которые возникают в связи с совершением преступления. Вообще уголовное правоотношение и его понятие – довольно слабо разработанный в науке вопрос [6, с. 10, 11]. Но можно смело утверждать, что преступление представляет собой наиболее опасный тип правонарушения, порождающий юридическое отношение особого типа. Факт совершения преступления является основанием для возникновения особых уголовно-правовых отношений между лицом и органами суда, прокуратуры, следствия, дознания, представляющими государство [4, с. 11]. Ключевая часть этого определения –

«между лицом и органами государства». Иными словами, уголовно-правовое отношение есть *публично-правовое отношение*. Поэтому логично и показательно легальное использование понятия «государственное обвинение», которое поддерживает прокурор в процессе отправления правосудия по уголовному делу.

Теперь становится понятно, почему уголовно-процессуальное законодательство построено таким образом, что принцип диспозитивности в том якобы «абсолютном» виде, в каком он фигурирует в науке цивилистического процесса, отсутствует. Публичные правоотношения не предполагают возможности заключения его участниками гражданско-правовых соглашений (после утверждения их судом они именуется мировыми соглашениями), отказа от требования либо его признания. Кстати говоря, именно по этой причине мной неоднократно предлагалось исключить из АПК РФ указание на возможность судебного примирения по делам, возникающим из публичных правоотношений. А в ст. 42 УПК РФ, которая наделяет процессуальными правами потерпевшего, фигурирует лишь право «поддерживать обвинение».

Однако ст. 25 УПК РФ предусматривает возможность примирения потерпевшего и лица, совершившего преступление. Можно ли рассматривать это право как проявление диспозитивности в уголовном процессе? Многие авторы склонны оценивать данную норму именно как норму, содержащую диспозитивный элемент. Однако не могу с этим согласиться. Прежде всего в данном случае речь идет о причинении вреда небольшой или средней тяжести, а также о том, что причинитель вреда должен загладить причиненный потерпевшему вред. Иначе говоря, четко прописаны *условия, рамки*, внутри которых возможно примирение. Это значит, что свободы, диспозитивности в полном смысле этого слова здесь нет. Кроме того, если принять положение ст. 25 за проявление диспозитивного начала в уголовном судопроизводстве, то придется признать тот факт, что уголовное правоотношение складывается между потерпевшим и обвиняемым, а вовсе не между государством и обвиняемым. А это, как было показано выше, не так. Полагаю, что возможность примирения с потерпевшим связана не с действием диспозитивности, а с тем, что в случае компенсации причиненного вреда исчезает само основание исходного уголовного правоотношения. Соответственно, прекращаются и те процессуальные отношения, которые возникли на его основе.

Наконец, следует сказать и об административной процессуальной форме. Административное судопроизводство в нашей стране имеет, на мой взгляд, статус «правового фантома». Оно легально существует, названо в тексте Конституции в качестве самостоятельного, но в силу того, что осуществляется судами общей юрисдикции и арбитражными судами в границах гражданского судопроизводства (в широком смысле), создается впечатление его «поглощения» гражданской процессуальной формой. И в данном случае это, к сожалению, не только впечатление. Противники создания независимых административных судов часто апеллировали к тому факту, что и уголовное судопроизводство реализуется в деятельности судов общей юрисдикции, и при этом никто не призывает к созданию судов уголовного права. Но ведь идея «административной юстиции» заключается вовсе не в создании отдельных судов (или специализированных коллегий, как угодно!), а в придании процессуальным правилам рассмотрения административных дел и иных дел публично-правового характера статуса самостоятельной процессуальной формы (как это сделано в сфере уголовного судопроизводства), определении признаков публично-правовых дел. Это позволит судам (общей юрисдикции, или административным — не столь важно) грамотно решать свои задачи по правильному и своевременному рассмотрению дел и достигать цели правосудия.

Библиографический список

1. Боннер А.Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права. М., 1987. С. 34.
2. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам. Актуальные вопросы. М.: Проспект, 2010. С. 15.
3. Михайлова Е.В. О некоторых проблемах в сфере судебного нормоконтроля // Вопросы правоведения. 2013. № 3.
4. Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Уголовное право. Общая часть. Москва: Юрист, 1999. С. 11.
5. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. Теоретические начала и основные институты. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 17.
6. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 10, 11.
7. Трещева Е.А. Субъекты арбитражного процесса. Ч. 1: Общие теоретические вопросы понятия и классификации субъектов. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006.
8. Трещева Е.А. Субъекты арбитражного процесса. Ч. 2: Правовое положение лиц, участвующих в деле, в арбитражном процессе. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007.

References

1. Bonner A.T. Principle of optionality of Soviet civil procedural law. M., 1987, p. 34. [in Russian]
2. Zhilin G.A. Civil justice. Issues of importance. M., Prospekt, 2010, p. 15. [in Russian]
3. Mikhailova E.V. On some problems in the sphere of judicial compliance assessment. *Voprosy pravovedeniia* [Questions of legal science], 2013, no. 3. [in Russian]
4. Prokhorov L.A., Prokhorova M.L. Criminal law. General information. M., Iurist, 1999, p. 11. [in Russian]
5. Sakhnova T.V. Course of civil process. Theoretical foundations and basic institutions. M., Volters Kluver, 2008, p. 17. [in Russian]
6. Strogovich M.S. Course of Soviet criminal process. Vol.1. M., Izdatel'stvo «Nauka», 1968, p. 10, 11. [in Russian]
7. Treshcheva E.A. Subjects of the arbitration process. Part 1: General concepts and theoretical issues of classification of subjects. Samara, Izdatel'stvo «Samarskiy universitet», 2006.
8. Treshcheva E.A. Subjects of the arbitration process. Part 2: Legal status of persons involved in the case, in the arbitration process. Samara, zdatel'stvo «Samarskiy universitet», 2007.

*E.V. Mikhailova**

**ABOUT SINGLE LEGAL NATURE OF CIVIL, CRIMINAL
AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS**

Problems associated with concept, purpose, objectives and basic principles of civil, criminal and administrative proceedings are investigated in the article. The unity and interrelation of civil procedural and criminal procedural forms, as well as conditionality of procedural form of protection of right by peculiarities of substantive relations, causing the origin of legal conflict, are shown.

Key words: justice, court, protection of law, procedural form, civil procedure, criminal procedure, principles of civil and criminal procedures.

* *Mikhailova Ekaterina Vladimirovna* (e.v.mikhailova@yandex.ru), the Dept. of Civil Procedural and Entrepreneurial Law, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.